

«С включением в списки офицеров флота в Тихом океане» (К теме участия студентов Восточного института в Русско-японской войне)*

Михаил Анатольевич Партала,
учёный секретарь Мемориального музея
А.С. Попова СПбГЭТУ, канд. техн. наук, доцент.
E-mail: par_ma@mail.ru

В статье рассмотрено участие студентов Восточного института в Русско-японской войне на море в качестве военно-морских переводчиков. Введены в оборот не известные ранее архивные материалы.

Ключевые слова: Русско-японская война, 1-я Тихоокеанская эскадра России, Порт-Артур, радиоразведка, Восточный институт, Владивосток, студенты-переводчики, Е.Ф. Лебедев, П.И. Сивяков, А.Н. Занковский, Г.Ф. Ящинский.

«With inclusion in the list of naval officers of the Pacific fleet» (About participation of the students of the Oriental institute in the Russian-Japanese war)

Mikhail Partala, Scientific secretary of the A.S. Popov Memorial museum of the St Petersburg ETU, Cand. Sc. (technical), assistant professor.

On the basis of the archival documents, the paper tells about participation of the students of the Oriental institute in the Russian-Japanese war at sea as naval translators.

Key words: the Russian-Japanese war, 1st Pacific fleet of Russia, Port-Arthur, communication intelligence, Oriental institute, Vladivostok, students — translators, E. F. Lebedev, P. I. Siviakov, A. N. Zankovskiy, G. F. Jaschinskiy.

Вопросы разведывательного обеспечения занимают важное место в историографии Русско-японской войны 1904—1905 гг. Как известно, одной из проблем, с которой столкнулась русская военная разведка, оказалась острая нехватка переводчиков — специалистов по восточным (прежде всего японскому) языкам [1, с. 204—206; 14, с. 197—200]. В условиях начавшейся войны военное командование вынуждено было искать пути и способы оперативного решения этой проблемы, одним из которых стало привлечение к работе в качестве военных переводчиков студентов Восточного института.

---

* Автор выражает признательность доктору исторических наук, профессору Г.А. Гребенщиковой и сотрудникам Архива внешней политики Российской империи за помощь в подготовке статьи.

Тема участия студентов-восточников в Русско-японской войне уже затрагивалась в известных публикациях как в прямой постановке [3], так и в рамках других исследований [1, с. 220; 2, с. 33—51; 4; 11; 12]. Степень её разработанности, однако, представляется нам недостаточной. Особенно ощущается это в отношении «флотских» переводчиков, работавших в интересах военно-морского командования. Этот пробел в значительной мере обусловлен многоплановостью сюжета: его разработка требует обращения к фондам большого числа федеральных и ведомственных архивов — Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и др. В предлагаемой статье предпринята попытка частично восполнить этот пробел.

Необходимо подчеркнуть, что к началу Русско-японской войны Восточный институт успел сделать всего один выпуск: в 1903 г. аттестаты получили 8 человек, в том числе два по японско-китайскому отделению (П.Ю. Васкевич, Г.Т. Назаров) и три по китайско-маньчжурскому (С.И. Горяинов, П.В. Шкуркин, Д.И. Щербаков). Первые назначения бывших студентов Восточного института в штабы Действующей армии произвели практически сразу после начала войны и объявления мобилизации. В числе первых был призван из запаса прапорщик П.Ю. Васкевич, 3 февраля 1904 г. получивший назначение в Полевую штаб Наместника Его Императорского Величества (Е.И.В.) на Дальнем Востоке комендантским адъютантом Управления коменданта Главной квартиры (приказ Наместника Е.И.В. № 89 от 3.02.1904). Позднее, с учреждением при Полевом штабе Наместника Е.И.В. походных канцелярий (по морской, дипломатической и гражданской частям) П.Ю. Васкевич был назначен драгоманом Походной дипломатической канцелярии. 15 февраля 1904 г. приказом Наместника Е.И.В. на Дальнем Востоке за № 144 было объявлено: «...окончивший курс в Восточном институте, не имеющий чина Дмитрий Щербаков назначается драгоманом при моей походной канцелярии по дипломатической части».

Естественно, выпускников Восточного института было недостаточно, чтобы обеспечить потребности штабов и разведывательных органов Действующей армии и флота в военных переводчиках, поэтому следующим шагом стало привлечение к работе студентов-восточников 4-го (выпускного), а затем и младших курсов.

Судя по всему, одним из первых в середине февраля 1904 г. в распоряжение штаба Маньчжурской армии был направлен переводчиком японского языка студент 4 курса японско-китайского отделения Евгений Фёдорович Лебедев. Позднее он так описывал это: «По окончании курса Восточного института штаб Маньчжурской армии вызвал меня 17 февраля 1904 г. в качестве переводчика японского языка с уверением, что служба в Маньчжурии будет считаться государственной. Пробыв в штабе

Маньчжурской армии около месяца, 14-го марта 1904 г. получил от него предписание за № 1441, что дежурный генерал Полевого штаба Вашего Высокопревосходительства отзывом от 8-го марта 1904 г. за № 1188 сообщил о моем назначении в распоряжение вице-адмирала Макарова в качестве переводчика японского языка, и приказание немедленно выехать по назначению» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4183. Л. 2].

Отметим, что Е.Ф. Лебедев несколько упростил описание событий, ибо на момент назначения он ещё был студентом старшего курса. Есть, однако, основания считать, что этот вопрос был соответствующим образом проработан и согласован между военными властями и дирекцией института. Весьма интересным свидетельством в этом плане является документ, составленный в мае 1905 г. однокурсником Е.Ф. Лебедева студентом китайско-монгольского отделения Петром Ивановичем Сивяковым, в котором он писал: «В начале марта 1904 г. по требованию командующего флотом Тихого океана покойного вице-адмирала Макарова и по распоряжению директора Восточного института 11-го марта того же года я был отправлен из гор. Владивостока в крепость Порт-Артур в качестве переводчика китайского языка, причём директор сообщил мне, что я могу считать себя уже окончившим институт» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4183. Л. 3]. Другими словами, можно говорить о своеобразном неофициальном «ускоренном выпуске» для этих студентов, осуществлённом в обстоятельствах военного времени под личные гарантии директора института.

Восстанавливая после войны детали своей службы в Порт-Артуре, Е.Ф. Лебедев указывал, что прибыл в крепость 16 марта 1904 г. Архивные документы позволяют уточнить эту дату. Согласно циркуляру № 99 штаба командующего флотом в Тихом океане от 18 марта 1904 г., студент Восточного института Лебедев был прикомандирован к штабу командующего флотом в качестве переводчика японского языка с окладом содержания в 200 руб. в месяц и с включением в списки офицеров флота в Тихом океане с 14 марта 1904 г. [АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 1963. Л. 16 об.]. Для постоянного размещения и довольствия его определили на эскадренный броненосец «Полтава», в вахтенном журнале которого за 15(28) марта 1904 г. имеется запись: «Сего числа прибыл на броненосец студент Восточного института 4-го курса Евгений Фёдорович Лебедев» [РГА ВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 30532. Л. 183]. Таким образом, есть веские основания считать, что в Порт-Артур Е.Ф. Лебедев мог прибыть ещё 14 марта, но, во всяком случае, 15 марта он уже достоверно находился в крепости, получив в штабе эскадры соответствующее предписание на броненосец «Полтава» и прибыв в тот же день на его борт.

Почти следом за Е.Ф. Лебедевым в Порт-Артур прибыл его однокурсник П.И. Сивяков. Позднее он писал: «...С 14-го июня 1904 года мне было поручено командиром Порт-Артура контр-адмиралом Григоровичем собирание секретных сведений о противнике, которые я в виде письменных донесений и доставлял до конца осады. Донесения эти печатались и рассылались в штаб Квантунского укрепленного района, в штаб

крепости Порт-Артур, в штабы дивизий, полков и командирам батарей»* [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4183. Л. 3—4].

Деятельность Е.Ф. Лебедева в Порт-Артуре носила ещё более разноплановый характер. Как известно, усилиями вновь назначенного командующего флотом Тихого океана вице-адмирала С.О. Макарова действия русских морских сил под Порт-Артуром активизировались, что сразу обеспечило соответствующий «фронт работы» для переводчиков. Так, уже 13 марта 1904 г. под Порт-Артуром при выходе русской эскадры в море был захвачен японский буксирный пароход, на котором наряду с пленными было взято много различных книг, документов, писем и других бумаг. Поскольку в Порт-Артуре на тот момент своего переводчика ещё не было, все эти документы были отправлены в Мукден в походный штаб Наместника Е.И.В., где их сортировку и обработку произвёл П.Ю. Васкевич. При этом почти сразу «проявился» общий недостаток в подготовке наших переводчиков — слабые навыки в расшифровке и чтении так называемой японской скорописи. В докладной на имя Наместника Е.И.В. прямо указано: «Письма господином Васкевичем, переводившим документы, — не разобраны, так как написаны скорописью, разобрать которую он затрудняется без помощи знакомого с этим шрифтом японца» [РГА ВМФ. Ф. 469. Оп. 1. Д. 100. Л. 6].

Интерес к захваченным японским документам и первым пленным оказался настолько велик, что в штабе Наместника предложили временно отправить П.Ю. Васкевича в Порт-Артур для опроса пленных японцев, при этом особо попросили морское начальство «не задерживать его, так как он крайне необходим при Главной квартире» [Там же. Л. 9—11].

К этому времени, однако, в Порт-Артур уже прибыл Е.Ф. Лебедев, сразу включившийся в работу. Примечателен в этой связи телеграфный ответ начальника штаба командующего флотом контр-адмирала П.П. Моласа на предложение о временном командировании в Порт-Артур переводчика из штаба Наместника Е.И.В.: «Если переводчик знает японскую письменность[ь] то надобност[ь] в нем ест[ь] противном случае не надо. 433. Молас» [Там же. Л. 8]. Заслуживает внимания и карандашная помета, сделанная на приёмном бланке этой телеграммы кем-то из должностных лиц штаба Наместника: «Японскую скоропись не разбирает и считает свои познания одинаковыми с переводчиком эскадры»**.

Основная нагрузка в Порт-Артуре с этого момента легла на Е.Ф. Лебедева. Позже он писал об этом: «Состоя на службе в Морском ведомстве, я со времени начала осады Порт-Артура исполнял обязанности переводчика также в Штабе Квантунского Укреплённого района, Штабе

---

* Одно из таких донесений, составленных П.И. Сивяковым, воспроизведено в дневнике военного инженера капитана М.И. Лилье в записи от 27 августа 1904 г. [8, с. 185—186].

** Судя по всему, эта командировка всё-таки состоялась, и именно о ней может идти речь в известных воспоминаниях П.Ю. Васкевича, где он описал своё прибытие в Порт-Артур в день гибели С.О. Макарова [12, с. 273—274].

Крепости, Жандармском управлении и даже [в] призовом суде — вообще везде, куда был посылаем начальствующими лицами» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4183. Л. 2 об.].

Одна из ярких и интересных страниц в деятельности Е.Ф. Лебедева в Порт-Артуре связана с зарождением и первыми шагами отечественной радиоразведки. Ещё 7 марта 1904 г. командующий флотом вице-адмирал С.О. Макаров секретным приказом № 27 предписал организовать на всех кораблях, оснащённых станциями беспроволочного телеграфа, ведение радиоразведки. В приказе, в частности, говорилось: «Неприятельские телеграммы следует все записывать, и затем командир должен принять все меры, чтобы распознать вызов старшего, ответный знак, а если можно, то и смысл депеш». К приказу прилагалась японская телеграфная азбука [РГА ВМФ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 4. Л. 19—20].

Во исполнение приказа командующего вахта радиоперехвата была открыта и на эскадренном броненосце «Полтава». Наличие на борту «собственного» переводчика позволило здесь, в отличие от других кораблей, организовать полноценный пост радиоразведки. Следы его боевой работы можно, в частности, найти в дневниковых записках мичмана И.И. Ренгартена, служившего на «Полтаве» вахтенным начальником. Так, например, в записи за 30 марта 1904 г. зафиксировано: «30-го [марта]. Днём 2-ой отряд миноносцев вышел в море с целью осмотреть острова Эллиот. Вечером были слышны отдалённые выстрелы в море. Принята японская телеграмма по беспроволочному телеграфу — наш переводчик — студент Лебедев разобрал, что было возможно: „скрытно... зажечь... прорваться...“» [РГА ВМФ. Ф. 763. Оп. 1. Д. 176. Л. 35].

Как следует из официальных японских источников по истории войны [10, с. 142], японское командование в конце первой декады апреля 1904 г. приняло решение о проведении под Порт-Артуром очередной (третьей с начала войны) заградительной операции, для участия в которой было выделено 12 судов-заградителей (брандеров). Уже 9 апреля Морской походный штаб Наместника Е.И.В. известил штаб крепости Порт-Артур: «Сегодня утром на эскадре были разобраны японские телеграммы по беспроволочному телеграфу, из которых можно предположить, что предполагается новая атака брандеров, и при этом указываются сигналы фонарём для облегчения брандерам подхода» [14, с. 28]. Командованием были усилены меры по охране и обороне главной базы. 13 апреля японцы закончили необходимые приготовления и в ночь на 15 апреля провели у Порт-Артура рекогносцировку с целью ознакомить с районом предстоящей операции вновь назначенных командиров судов-заградителей. В эту ночь радиотелеграфисты эскадренного броненосца «Полтава» выполнили ещё один радиоперехват, имевший непосредственное отношение к предстоящей заградительной операции. И хотя содержание японской радиограммы при её приёме и разборе оказалось, судя по всему, несколько искажено, повышенная активность противника обоснованно привлекла внимание русского командования [РГА ВМФ. Ф. 650. Оп. 1.

Д. 617. Л. 125, 128]. Заградительная операция состоялась в ночь на 20 апреля 1904 г. и закончилась для японцев очередной неудачей. Важно особо подчеркнуть, что в документах штаба командующего эскадрой прямо указывается фамилия студента Лебедева, сделавшего разбор японской радиогаммы. В архивных делах штаба эскадры можно найти и другие документальные свидетельства боевой работы Е.Ф. Лебедева (в том числе его автографы). Он разбирал захваченные японские документы [Там же. Л. 384], участвовал в допросах пленных и составлении сведений о противнике [Там же. Л. 391], выполнял другие задания командования.

Деятельность Лебедева в области радиоразведки лучше всего охарактеризовал командир эскадренного броненосца «Полтава» И.П. Успенский. В 1907 г. в рапорте на имя начальника Главного морского штаба он сообщал: «...Переводя мне все нешифрованные телеграммы, которыми за спешностью японские адмиралы обменивались между собой, студент Лебедев сообщал мне о всех предполагавшихся их действиях, следя за их движениями и исполняя в то же время обязанности ординарца...» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4182. Л. 4—4 об.].

За бой 28 июля 1904 г. командир «Полтавы» представил Е.Ф. Лебедева к награждению знаком отличия Военного ордена 4 степени. Это награждение, однако, состоялось только в 1908 г. (ЗОВО 4 степ. № 170920. Циркуляр ГМШ от 21 марта 1908 г. за № 96). Заслуживает внимания тот факт, что согласно циркуляру награждение было произведено за отличия и подвиги, совершённые 18 декабря 1904 г., при этом Е.Ф. Лебедев показан в документах как состоящий в составе десантного отряда эскадренного броненосца «Полтава» [6, с. 1126]. Это обстоятельство даёт основания предполагать наличие ещё одного представления Е.Ф. Лебедева — за декабрьские бои на сухопутном фронте, которое, возможно, и было использовано при награждении.

Неудачный для 1-й Тихоокеанской эскадры исход сражения с японским флотом 28 июля 1904 г. предопределил постепенное прекращение активных операций русских кораблей под Порт-Артуром. Центр тяжести вооружённой борьбы переместился на сухопутный фронт. В этих условиях флотское командование посчитало целесообразным передать обоих переводчиков на берег. Приказом командующего отдельным отрядом броненосцев и крейсеров в Порт-Артуре от 6 сентября 1904 г. Е.Ф. Лебедев и П.И. Сивяков были откомандированы в распоряжение командира порта. Приказом последнего от 9 октября 1904 г. за № 1413 Евгений Лебедев был назначен в распоряжение штаба Квантунского укрепленного района в качестве переводчика японского языка (с оставлением на денежном довольствии при порте). В тот же день он прибыл в штаб укрепрайона (приказ по штабу от 9 октября 1904 г. за № 127) и приступил к своим обязанностям по новому месту службы. Армейское командование высоко оценило боевую работу Е.Ф. Лебедева, наградив его двумя орденами — Св. Станислава 3 степени с мечами и Св. Анны 3 степени с мечами (приказы по войскам Квантун. укреп. района № 889 от 23 ноября и № 986

от 20 декабря 1904 г. соответственно). Здесь сразу становится заметным различие в уровне «флотских» и «армейских» наградений. Будучи студентом 4 курса и не имея ещё классного чина, Е.Ф. Лебедев не мог, конечно, претендовать на «офицерские» ордена. Но, судя по всему, армейское командование, не имея полной ясности о статусе прибывших в его распоряжение «флотских» переводчиков, разрешило этот вопрос вполне самостоятельно, приняв к сведению упоминавшийся уже выше циркуляр штаба командующего флотом о включении переводчиков «в списки офицеров флота в Тихом океане». Впоследствии оба награждения были утверждены (высочайшие приказы по гражданскому ведомству за 1907 г. от 17 февраля № 10 и от 24 февраля № 12 соответственно).

Довелось Е.Ф. Лебедеву принять участие и в заключительном акте порт-артурской драмы. В его послужном списке, составленном 26 декабря 1904 г. в Порт-Артуре и подписанном начальником штаба генерал-майором В.А. Рейсом, сделана запись: «Присутствовал в качестве переводчика японского языка при капитуляции Порт-Артура 20 декабря 1904 г.» [АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/2, 1905 г. Д. 1. Л. 261—261 об.]. После выполнения всех формальностей Е.Ф. Лебедев, дав подписку о дальнейшем неучастии в войне с Японией, вернулся в Россию вместе со штабом генерала А.М. Стесселя на пароходе «Св. Николай» [13].

Отличился на сухопутном фронте и коллега Е.Ф. Лебедева — П.И. Сивяков, назначенный приказом командира порта от 14 октября 1904 г. за № 1470 в распоряжение штаба крепости. За боевую работу здесь он также был удостоен двух орденов — Св. Станислава 3 степени с мечами и Св. Анны 3 степени с мечами и бантом. Во время последнего японского штурма горы Высокой — находился на первом перевязочном пункте, помогая перевязывать раненых. В одном из послевоенных изданий был помещён «мини-очерк» о П.И. Сивякове как об участнике обороны Порт-Артура [7, с. 279].

В мае 1905 г. оба переводчика, Е.Ф. Лебедев и П.И. Сивяков, были на основании высочайшего соизволения удостоены аттестатов окончивших курс учения в Восточном институте с правом на чин X класса. Аттестаты были выданы без производства «окончательных испытаний» на основании «проведённой оценки научных познаний, обнаруженных на переходных курсовых испытаниях и третних репетициях, и во внимание к полезной деятельности в связи с войной против Японии» [АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 749/2, 1905 г. Д. 1. Л. 258—258 об.]. В последующем оба служили в Министерстве иностранных дел. При этом время, проведённое ими в качестве военных переводчиков в Порт-Артуре, на основании Высочайшего соизволения было зачтено им в государственную службу со всеми преимуществами, дарованными защитникам этой крепости.

Особый интерес в рамках данной темы представляет, на наш взгляд, страница, связанная с деятельностью переводчиков Владивостокского отряда крейсеров. Действия этого отряда достаточно хорошо освещены в военно-исторической литературе [5], однако широкому читателю они известны, прежде всего, по роману В.С. Пикуля «Крейсера». Вместе с тем

мало кто из читателей романа знает, что вымышленный образ главного литературного героя мичмана С.Н. Панафидина удалось, что называется, «оживить» в значительной мере благодаря делам реального исторического лица — студента Восточного института Анатолия Занковского.

Как известно, крейсерский отряд, ядро которого составляли крейсера «Россия», «Громобой», «Рюрик» и «Богатырь», действовал отдельно от основных сил 1-й Тихоокеанской эскадры, базируясь на Владивосток. Потребность в собственных переводчиках в отряде обозначилась уже во время первых двух походов — в январе и феврале 1904 г. Вопрос удалось решить перед началом третьей крейсерской операции. В отряд были назначены в качестве переводчиков два студента 2-го курса Восточного института: переводчиком японского языка — Анатолий Николаевич Занковский, переводчиком корейского языка — Георгий Феофилович Ящинский. (К этому же моменту в штабе отряда был получен из Порт-Артура секретный приказ С.О. Макарова по радиоразведке с прилагавшейся к нему японской телеграфной азбукой).

Обоим переводчикам довелось в полной мере узнать и прочувствовать «романтику морских походов и сражений». Будучи прикомандированными к штабу отряда, они в основном размещались на крейсере «Россия», на борту которого, согласно записи в вахтенном журнале, провели в общей сложности 101 день (выбыли с корабля 9 октября 1904 г.).

Уже 10 апреля 1904 г. они вышли с отрядом в первый боевой поход. В этой операции вместе с крейсерами («Россия», «Богатырь», «Громобой») впервые участвовали номерные миноносцы (№ 205 и № 206), которым была поставлена задача произвести осмотр порта Гензан.

Буквально в самом начале похода, утром 11 апреля, крейсера в густом тумане на контркурсах разошлись с эскадрой вице-адмирала Камимуры, специально выделенной японским командованием для действий против Владивостокского отряда. Присутствие японских кораблей было обнаружено по их радиопереговорам.

Командовавший отрядом контр-адмирал К.П. Иессен в рапорте на имя Наместника Е.И.В., касаясь этого эпизода, впоследствии докладывал: «В 10 часов в счислимой широте 41 град. 24 мин и долготе 131 град. 10 мин по мегафону с «Громобоя» передали, что на приёмном аппарате беспроводного телеграфа получен был ряд знаков, схожих с японской азбукой... и согласно переводу их, сделанному плавающим на отряде в качестве переводчика японского языка студентом Восточного института Занковским, они означают приблизительно следующее: «Густой туман препятствует передвижению, и передача сигналов затруднительна». Принимая во внимание, что радиус действия аппаратов, находящихся на судах вверенного мне отряда, ограничивается максимум 25 милями, я предполагаю, что в это время проходила эскадра адмирала Камимуры в каком-нибудь месте площади круга, обозначенного на приложенной карте. Поэтому приказал развести пары во всех котлах и судам держаться вплотную» [РГА ВМФ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 29. Л. 4].

Фрагмент автографа А.Н. Занковского с разбором этой радиограммы каким-то чудом попал в общую папку с документами штаба отряда, переданную в последующем на архивное хранение, благодаря чему он сохранился до наших дней [РГА ВМФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 65]. Ниже разобранного А.Н. Занковским отрывка текста радиограммы (рис. 1) кем-то из начальников или офицеров штаба дописано: «Получено в 10 ч. 20 м. с «Богатыря». В 10 ч. $\phi = 41$ град 24 мин N, $\lambda = 131$ град 10 мин Ost» (указание на «Богатырь» в данном случае является ошибочным, хотя оно и успело попасть в первые официальные донесения о походе). В романе В.С. Пикуля «Крейсера» разбор этой телеграммы как раз и производит главный герой мичман Панафидин (по авторскому замыслу, служивший на «Богатыре» и посещавший занятия в Восточном институте). Панафидин у В.С. Пикуля «участник» и целого ряда других эпизодов, в которых фактически участвовал А.Н. Занковский.

Подойдя к Гензану, отряд разделился: крейсера остались держаться у входа в бухту, а миноносцы направились вглубь бухты для её осмотра. При этом оба переводчика были пересажены с «России» на миноносцы: А.Н. Занковский был назначен на миноносец № 205, Г.Ф. Ящинский — на миноносец № 206 [РГА ВМФ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 29. Л. 5, 5 об.]. В порту миноносцами был обнаружен, досмотрен и потоплен небольшой японский пароход «Гойо Мару».

Всего, как известно, в ходе этой крейсерской операции было потоплено три японских судна («Гойо Мару», «Хагинура Мару» и войсковой транспорт «Кинсю Мару»). Среди различных документов, захваченных русским моряками на японских судах, оказался телеграфный код («CODE BOOK»). Судя по известным описаниям, это был не военный код, а первый оригинальный документ по телеграфной связи, попавший в руки специалистов отряда (в описи захваченных документов показаны также 3 сигнальные книги, однако отсутствие дополнительных комментариев к ним заставляет предполагать, что это могли быть международные своды сигналов). Разбор и перевод документа оперативно выполнил А.Н. Занковский, снабдив его весьма толковыми для студента 2-го курса комментариями [РГА ВМФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 102—105]. Кроме того, на пароходе «Хагинура Мару» была обнаружена зашифрованная телеграмма с исходным текстом. Из-за отсутствия в отряде специалистов по криптоанализу эти документы были переданы в Морской штаб Наместника Е.И.В., а затем их переслали в Санкт-Петербург в Главный морской штаб, откуда в июле 1905 г. передали в дешифровальную службу Министерства иностранных дел [РГА ВМФ. Ф. 469. Оп. 1. Д. 100. Л. 15, 16; Ф. 417. Оп. 1. Д. 3198. Л. 124].

Наиболее драматичные события в этом походе развернулись вокруг потопления японского транспорта «Кинсю Мару». На остановленный крейсерами пароход была отправлена досмотровая и подрывная партии под общим командованием лейтенанта А.К. Петрова. Уже перед оставлением подготовленного к взрыву судна в одной из кают была обнаружена

группа японских офицеров с оружием, а затем в трюме — более 100 вооружённых японских пехотинцев. Как выяснилось впоследствии, на судне находилась рота 37 пехотного полка, участвовавшая перед этим в небольшой «демонстрации» у русского побережья с высадкой тактического десанта. Японские пехотинцы были настроены весьма воинственно, показывая готовность погибнуть вместе с обречённым судном. В этой ситуации от личного состава досмотровой партии потребовались известные выдержка и хладнокровие, чтобы полностью и без потерь завершить миссию. Архивные документы свидетельствуют о том, что в составе досмотровой группы на «Кинсю Мару» высаживался и А.Н. Занковский. Командир досмотровой группы лейтенант А.К. Петров в рапорте на имя командира крейсера «Россия» прямо указал: «Переводчиком был студент Восточного института Анатолий Николаевич Занковский, который весьма точно, несмотря на незнание некоторых морских выражений, переводил мои приказания» [РГА ВМФ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 29. Л. 14 об.].

За этот поход А.Н. Занковский и Г.Ф. Ящинский были награждены серебряными медалями с надписью «за усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте. В некоторых публикациях ошибочно указывается, что эти медали были пожалованы им по общим итогам их деятельности на отряде, что, скорее всего, является следствием «вольной» интерпретации авторами поздней даты вручения наград (награждение было утверждено 25 октября 1904 г.). Однако в докладе Главного морского штаба, которым и испрашивалось высочайшее утверждение этих наград, прямо указано, что награждение было произведено «за храбрость, проявленную во время крейсерства в Японском море и при захвате военного транспорта „Киншиу-Мару“» [РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4248. Л. 1].

Студенты-переводчики участвовали во всех главных крейсерских операциях отряда, неоднократно высаживаясь в море на японские суда в составе досмотровых партий, обеспечивая ведение радиоразведки, опрашивая пленных, выполняя другие поручения командования отряда. В архивных документах встречаются многочисленные свидетельства об осуществлённых кораблями отряда и разобранных японских радиоперехватах [РГА ВМФ. Ф. 524. Оп. 1. Д. 29. Л. 67, 71 об., 73 об., 74, 154 об., 259, 295 об.; Ф. 469. Оп. 1. Д. 136. Л. 32, 42]. На некоторых документах с текстами радиоперехватов зафиксировано: «Переводчик — студент Анатолий Занковский» [РГА ВМФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 27. Л. 276].

Подлинной вершиной этой военной «одиссеи» студентов-восточников А.Н. Занковского и Г.Ф. Ящинского стало участие их на крейсере «Россия» в бою Владивостокского отряда с японской эскадрой вице-адмирала Камимур в Корейском проливе 1 августа 1904 г. Вплоть до начала боя А.Н. Занковский обеспечивал разбор и перевод перехватываемых японских радиogramм, одна из которых сыграла значимую роль в выборе контр-адмиралом К.П. Иессеном направления прорыва русских кораблей [РГА ВМФ. Ф. 469. Оп. 1. Д. 136. Л. 42]. В ходе самого боя оба переводчика находились на корабельных перевязочных пунктах, оказывая помощь

раненым: «Неумолимо росло число погибших, раненые не переставали поступать на главный перевязочный пункт, развёрнутый в корабельной бане. Здесь самоотверженно действовали старший и младший врачи крейсера Е.Е. Сидоров и В.И. Бологовский, студент-переводчик Г.Ф. Ящинский. Другой переводчик А.Н. Занковский помогал раненым во вспомогательном перевязочном пункте в салоне командира в корме» [9, с. 182]. В числе отличившихся в этом бою студенты-восточники А.Н. Занковский и Г.Ф. Ящинский были удостоены знаков отличия Военного ордена 4 степени (№ 95298 и № 95299) [6, с. 249].

После окончания войны А.Н. Занковский и Г.Ф. Ящинский продолжили обучение в Восточном институте, окончив его соответственно в 1908 и в 1907 гг.

К сожалению, ограниченный объём журнальной публикации не позволяет подробно рассказать о биографиях и дальнейших судьбах героев этой статьи. Однако, завершая её, хотелось бы отметить, что тема участия студентов Восточного института в Русско-японской войне, безусловно, заслуживает дальнейшего изучения и должна, на наш взгляд, занять достойное место в работах по истории этого вуза.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Алексеев М. Военная разведка России. От Рюрика до Николая II. Книга I. М.: Издательский дом «Русская разведка», 1998. 432 с.
2. Биккенин Р.Р., Глущенко А.А., Партала М.А. Очерки о связистах Российского флота / под ред. Ю.М. Кононова. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1998. 360 с.
3. Буюков А.М. Восточники на фронтах Русско-японской войны 1904—1905 гг. // Известия Восточного института ДГУ. 1995. № 2. С. 18—24.
4. Буюков А. «Предмет детального изучения...» // Морской сборник. 1995. № 3. С. 91—93.
5. Егорьев В.Е. Операции владивостокских крейсеров в Русско-японскую войну 1904—1905 гг. М.—Л.: Военмориздат, 1939. 276 с.
6. Знак отличия Военного ордена Св. Георгия. Списки пожалованных за Русско-японскую войну 1904—1905 гг. [Сост. Д. Бутрым, И. Маркин]. М.: 2006.
7. Истина о Русско-японской морской войне. Том I. СПб., 1907. 300 с.
8. Лилье М.И. Дневник осады Порт-Артура. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 366 с.
9. Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л.: Судостроение, 1989. 256 с.
10. Описание военных действий на море в 37—38 гг. Мейдзи (в 1904—1905 гг.) / сост. Морск. ген. штабом в Токио; Пер. с япон. СПб., 1909. Т. 1. 296 с.
11. Партала М.А. Зарождение радиоразведки в русском флоте в Русско-японскую войну 1904—1905 гг. // Известия СПбГЭТУ «ЛЭТИ», серия: «История науки, образования и техники». 2007. № 1. С. 7—15.
12. Подалко П.Э. Павел Васкевич учёный, дипломат, путешественник: к 125-летию со дня рождения / // Acta slavica japonica, № .19. Саппоро, 2002. С. 265—295.
13. Русский инвалид. 1905. № 49. С. 3—4.
14. Русско-японская война 1904—1905 гг. Действия флота. Документы. Отд. 3. Кн. 1, вып. 3. СПб.: Издание исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морск. ген. штабе, 1912.
15. Тайны Русско-японской войны [Сборник]. М.: Прогресс, 1993. 326 с.